

Жран и снелла - 1998 - окт. (№ 40) - 416



Эти проклятые кроны

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

С властью кон-вертируемой валюты над ненасытной душой туриста я столкнулся в другой поездке – в Данию, приуроченной к празднованию освобождения страны от гитлеровской оккупации. В Копенгагене издательство "Графиск Форлаг" выпустило к торжествам перевод моей повести "Тревожные облака", выполненный знатоком русского языка и литературы – Эриком Херскером.

В "Записках баловня судьбы" я уже рассказал, как идейный страж и тюремщик советской литературы – Дмитрий Поликарпов отменил мою поездку в Копенгаген по приглашению Правления Общества Дания – СССР. Он прибегнул к обману и провокации, прислав мне со Старой Площади, но в датском конверте, якобы от тамошнего антисоветского "посева", какие-то дрянные бумажки, – сделал это невпопад, по-дурацки, но запретил Союзу писателей СССР выдачу мне выездных документов. В те дни он – всевластный чиновник ЦК партии: именно он добился изъятия рукописных экземпляров романа Вас.Гроссмана – "Жизнь и судьба", с целью уничтожить все копии знаменитого романа; запретил книжное издание в Москве романа Вольфганга Кеппена – "Смерть в Риме", заявив, что книга эта увидит свет в России "только через его труп"! И надо же случиться такому: вскоре Поликарпов умирает, тотчас же, будто вырвавшись из кулуара, выходит знаменитый роман Кеппена, давно изданный во всех странах Европы, а я отправляюсь в Данию, в составе туристской группы.

Праздник подпорчен самоуправством почившего функционера, но мне предстоят встречи с русистами столичного университета, с людьми, интересующимися новинками нашей прозы и поэзии; я наконец поддержку в руках и свою, переведенную на датский язык. Запрещаю мне поездку в Данию, Поликарпов уверял руководителей Союза писателей, что делает это исключительно в моих интересах, – ему достоверно известно, что в Копенгагене меня ждут антисоветские провокации. "Зачем ставить парня под удар!" – с отеческой заботливостью объяснил он Алексею Суркову. Все оказалось ложью. В Копенгагене, в Оденсе, на острове Борнхольм – всюду царил добрая атмосфера.

И совершенно неожиданно, в этой праздничной поездке мне изрядно, изо дня в день досаждала... валюта.

Да, валюта. Датские кроны! Не отсутствие их, а единственный раз в жизни – чертovo изобилие.

К моему приезду в Копенгаген тираж повести был распродан, представитель издательства явился в гостиницу в час обеда, чтобы наверняка застать автора. Он вручил мне при всем честном народе несколько экземпляров книги и больше трех тысяч крон. Сотрудник посольства, присутствовавший при

том, пообещал доложить послу о случившемся и получить инструкции, как поступить с этими деньгами. Крест святой! – никому не приходило в голову, что деньги эти – мои. Увы, скажу как на духу: и я не вполне осознавал, что кроны мои. Ведь и культ-атташе не сказал, что спросит у посла, как поступить с моими деньгами, – он службу знает и сказал – с этими деньгами.

Кроны лежали на столе, рядом с десертом, по видимости, назначенные мне, и все же еще не принадлежавшие никому, – я это чувствовал особенно остро. Все были за столом чисты, никто не протрет руки к деньгам, а я, того и гляди, схвачу и суну в карман. С писателями и не такое станется; вот возьмет и истратит, требуй потом с него. Некая формальная, – конечно же, формальная, ничтожная с их точки зрения, – связь этих денег со мной, раздражала их, настраивала против меня, хотя они и были уверены, что деньги уйдут в посольство, а уж там, как распорядится ими власть, как решат те, чьими заботами мы живы, сыты, обуты и одеты, и даже прилетели в Данию.

Мое молчаливое растерянное отречение от этих денег, печальное, но неизбежное отчуждение от них, весь этот мимический спектакль, взгляды зависти и недоброжелательства: успокоительная таблетка откровенно отравленная в рот одной из звониченных дам, хмурое и невпопад постукивание ложечкой рядом с тающим мороженым, – весь этот бессловесный спектакль заставил меня почувствовать горечь вины. Лежавшие на столе и вызывающие недавно дружеские улыбки, экземпляры моей повести, перестали их интересовать. Один из Союза обществ дружбы туристов, чиновник вдруг спросил жестко и недоверчиво:

– Вы сказали, что книга называется "Тревожные облака". Отчего же на обложке только одно слово? Вот: одно!

Я был схвачен за воровскую руку; что еще за махинации со словами? Кого я обманываю?

Недоверие отрезвило. Я потянулся к деньгам и сунул их в карман пиджака.

– Оттого, дорогой товарищ, – сказал я холодно, – что у издателей, везде, не исключая Советского Союза, есть право менять название книги в рекламных целях. Господин Херскер, мой переводчик, согласовав со мной, назвал повесть иначе: "AFCQRELSSEN". Это успешное переименование, и без рекламной дешевки. Слово трудное, сразу не приладишься; а датчанам годится.

– Язык поломаешь. И вам самому, кажется, не под силу.

– Вы совершенно правы: мне еще привыкать надо.

– Как же вы согласились?! Так вам любое дрянцо подсунут. "Войну и мир" иначе не назовешь, и "Анну Каренину" тоже! Толстой не позволил бы.

– Вы его в туристские группы и не пуцали! – Но валюта уже сделала свое черное дело, народ был с ним, а не со мной; за мной нужен глаз да глаз, чтобы не сжулил. – Слово очень простое: ре-ше-ни-е. Реше-

ние футболистов в оккупированном Киеве – умереть, но не сдатьсь. Увешанный орденами, седеющий полковник, чья жизнь в войну кончилась на острове Борнхольм, задержался у выхода из ресторана и дружески и покровительственно шепнул мне:

– Придется вам хранить. Посольство, я думаю, поторопится, а в случае чего, мы поможем.

Внутренний карман пиджака, застегнутый двумя английскими булавками, превращался в отделение Сбербанка – валюта была отдана мне на сохранение и только. Я трогал карман пиджака, прижимал локтем уже тяготивший меня издательский конверт, шупал, пугался вдруг, что конверт тощак. Я стал просыпаться среди ночи в тревоге, которой прежде не испытывал.

Финансовые проблемы обсуждались в автобусе и за столом; по процедуре передачи валюты посольству возникали расхождения. Они касались частностей и не отменяли основного конституционного положения о безусловной принадлежности моего гонорара государству. Всего гонорара. Всех этих несчастных денег. Живо интересовались, как обстояло бы дело, если бы деньги были присланы в Москву, поделилось бы государство со мной? Наиболее радикальные члены туристской группы отвергали самую возможность постыдного дележа, они верили в меня, в мое неперемное осознание сыновнего долга перед державой. В гостиницу к обеду, а то и дважды на день, стал приходить симпатичный мальчик, назвавшийся представителем "Международной книги", подглядывавший на меня, как охотник на добычу. Шли дни. Разбогатевший рич начинал проклинать доверенную мне валюту, опасаясь, что деньги украдут или я потеряю их, а мне не поверят, что случилась беда, меня заподозрят, обыскивать не решатся, но в глазах наиболее решительных спутников, я прочту это желание, жажду обыска и разоблачения.

Вообще-то, в магазины, кроме продовольственных, по крайней домашней нужде, я ни ногой, но сделавшись подпольным Крезом, я начал как-то нездорово подглядывать на витрины магазинов, торгующих рыболовным и охотничьим товаром. Оказалось, что я мог бы купить роскошную палатку (что-то около тысячи крон!), болотные сапоги, надувную лодку, повышенной прочности и еще остались бы кроны на покупку синего замшевого пальто жене.

Так я нарушил одну из господних заповедей – возжелал чужое.

Наше идеологическое единство подвергалось серьезному испытанию ожесточенными спорами о том, кем именно и каким образом будут изъяты и истратены три тысячи крон. Обсуждалось, в чей доход пойдут деньги – нашего посольства в Дании или все-таки в казну Москвы, быть может, даже Союза писателей? Ясно одно: они не могут и не должны достаться мне – это надо понимать и гнать от себя интеллигентские иллюзии.

Готовый ответ был только у моих спутников: деньги должны быть срочно отданы в посольство, все, до последней кроны; Борщаговскому негде их хранить, разве не видно, что он уже извелся. Возникли смелые революционные про-

екты: хранить деньги по очереди, сделать риск минимальным, а меня оградить от искушения, от опасности морального падения, от привязания к деньгам, как к своей собственности. Кто-то подал неуверенный голос за то, чтобы и мне была выделена малая толика, пусть самая малая, – соглашательская идея вызвала презрительное, гневное молчание, испепеляющие взгляды. Советский человек, на которого свалилась огромная валютная сумма, более чем в сто раз превышающая то, что получил в обмен на рубли каждый из нас, просто из нравственного самосохранения должен немедленно избавиться от денег.

По утрам меня приветствовали весьма сдержанно и не спрашивали, хорошо ли мне спалось. Мои спутники были близки к проведению референдума. Я малодушно и смиренно молчал, и к ним закрадывалась подлая мыслишка, не хитро ли я, не пытаюсь ли обмануть их?

Временами выступая в тамошнем университете, у активистов датского общества Дания – СССР, но всякий раз оказываясь за ресторанным столом, по привычке я забывал о своем конфискованном богатстве, притискивал локтем злополучный конверт. Взгляды моих спутников прожигали борт пиджака, они были озабочены тем, не поистратился ли я, как шулер, помню ли о чести и достоинстве советского человека?

Еще бы не помнить! Культ-атташе душевно привязался к нам, случалось, желал нам и доброго дня и доброй ночи, зачастил и представитель "Международной книги", он привыкал и начал кормиться с нами, радуясь укреплению культурной связи, – оказывается, он по совместительству представлял в Копенгагене и наше кино. Зачем-то он вспомнил, что были случаи, когда авторы сами, по собственному почину, сдавали ему весь полученный гонорар, а половину гонорара – наверняка, отдавали, чтобы не быть "ограбленными" таможенниками.

Я чувствовал себя засевающим в заезде хищником, злоумышленником, чуждом скромным и честным своим соотечественникам. Хотелось сдать деньги веселому трепачу из "Международной книги" и поплакать. Но под присмотром десятков глаз этого уже нельзя было сделать: в моей "афере" уже был задействован посол страны, кстати, по стажу пребывания на этом посту, старейшина тамошнего дискорпуса. Было неясно, как распорядится этот скромный, разумный, как я убедился впоследствии, человек, с какой новостью вернется от него в конце концов культ-атташе. Что с того, что деньги целы, что они при мне! Самому себе не солжешь: мне ведь померещились надувная лодка и зеленая палатка, безинерционные спиннинговые катушки и набор блесен в шикарной коробке с прозрачной крышкой. Я такой же эгоист, как все вокруг меня, тупица, который не может напрямую ответить своему переводчику, сильно пьющему, к тому же, с чего это я избегаю магазинов датской столицы и недурного тамошнего пива?

Все больше отдалялись от меня образы прошлого: красавица двухстволка и скорострельный охотничий карабин, купленный Шолохо-

вым в Стокгольме, девственной белызы и розовости дамское белье, закупленное Алексеем Толстым для Людмилы Ильинишны. Толстым, опустошившим прилавки парижских универсамов.

Захотели и купили. Решились и купили. Знали о своей безнаказанности и купили. Надоело выдавливать из себя раба по каплям и размахнулись. Каюсь, о подобном подвиге я не смел и мечтать. Тиранило меня другое: чего медлит посол? Почему не прикажет отнять у меня кроны, быть может, даже и выразить мне что-то вроде благодарности.

И вот еще беда: о трех тысячах подумывал не я один, имевший, что ни говори, к ним какое-то отношение, думали и мои спутники, стоя у сверкающих витрин, выбирая гробовые сувениры для близких и друзей, расщедрившись на сувенир ценою в две-три кроны.

Три тысячи крон стояли перед их взором мрачным, готовым обрушиться утесом, отделив меня от всего прогрессивного человечества. А посол все длил и длил эту пытку.

Меня уже не любили, и за что меня было любить? По солнечно-му Копенгагену бродил некто, вместе с ними прилетевший в Данию, такой же нищий, как они, но вот он сорвал куш, – иначе этого не назывешь! – и чего-то ждет, как будто не понимает, что за свой труд, за книгу он уже получил гонорар в рублях, а эти деньги не его, они и потрачены должны быть как-то особенно, может быть, даже пожертвованы в антифашистский фонд, но только не на личные нужды. Если книга действительно антифашистская – в чем кое-кто начинал сильно сомневаться! – то надо быть последовательным, надо и гонорар за нее передать антифашистскому движению.

Только не на личные нужды! В канун отлета, за завтраком, атмосфера предельно стеснилась. Казалось, все идет к гражданской панике, вот-вот случится что-то ужасное. Близился взрыв. Почти смолк наш, поначалу такой говорливый, шумный стол. Завтра я улечу вместе со всеми, однако же пленником, заложником своего гонорара. Задержат ли меня сразу по прилете в Москву, в аэропорту или эта процедура как-то иначе отработана?

К концу завтрака явились сразу оба – и культ-атташе, и агент "Международной книги". Громогласное заявление посольского чиновника потрясло, громко звянула выпавшая из пальцев фирменная ложка.

– Посол сказал, денег у вас не брать. Поступайте с ними по своему усмотрению. Издание антифашистской книги важнее всего.

Я не испытал радости: перегорело. Напротив, я вдруг ощутил непоправимую вину перед своими спутниками – вот когда они должны ощутить мое стократное валютное превосходство! За что им это, Господи?

Мы улетели в поддень. Я успел купить, примерив на продавщице, синее замшевое пальто для жены и десятки подарков для всех до единого туристов нашей группы. Представляете себе, как они возненавидели меня за эту щедрость! Почти две трети денег вымучил у меня эмиссар "Международной книги", ошеломленный успехом. Он написал в аэропорту на небольшом листике, вырванном из блокнота, крохотную расписку с двумя грамматическими ошибками.

Он смотрел на меня, как на малодольного; оказалось, что здешние издательства уплачивают ему, по прихоти, в лучшем случае три-четыре сотни крон, а тут такой княжеский подарок.

